

Сысоев Валерий Мануилович

Сказки животных

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
В15

В15 **Валерий Мануилович С.**
Сказки животных / Сысоев Валерий Мануилович – М.: Книга по Требованию,
2026. – 68 с.

ISBN 978-5-519-76087-4

ISBN 978-5-519-76087-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Сказки птицъ.

I.

Разказы вольныхъ птицъ..

Вылетѣлъ на опушку лѣса тетеревъ-косачъ и затянулъ свою весеннюю пѣснь. Его бормотанье, похожее на отдаленное переливчатое воркованье голубя, прерывалось чуфыканьемъ, которое можно передать словами: „чуффы!“ или „чуффыщъ!“ При этомъ онъ распускалъ крылья и хвостъ, надувался, какъ индѣйскій пѣтухъ, подпрыгивалъ и чертилъ крыльями по землѣ. Голыя полосы надъ глазами налились кровью и ярко выдавались на головѣ въ видѣ огненныхъ бровей. Онъ былъ очень красивъ въ своемъ весеннемъ опереньи, торжествующій, волнующійся подъ вліяніемъ тепла и возрожденія природы. Другія птицы тоже громко выражали свои весеннія чувства любви и радости.

Болотный куликъ - бекасъ то поднимался ввысь голубого неба и тамъ, помощью маховыхъ перьевъ, издавалъ звуки, похожіе на блеянье овцы, за что и получилъ названіе отъ народа „лѣсной барашекъ“, то

опускался на пенекъ или сухой сучокъ дерева и кричалъ заодно: „тики-тики!“

На вершинахъ большихъ сосенъ ворковали лѣсные голуби—вахири, а внизу подъ ними, въ лужахъ, крикали дикія утки. Что же касается мелкихъ пташекъ, то трудно передать все разнообразіе ихъ пѣсенъ, которыми онѣ наполняли ароматный утренній воздухъ лѣсовъ и полей. Это былъ какой-то общій гимнъ, при-

вѣтъ наступающему лѣту, обновленію и возрожденію жизни послѣ зимняго отдыха...

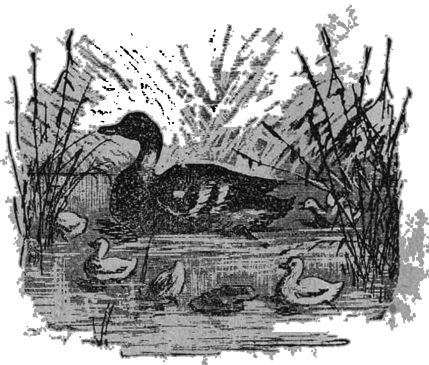
— Ахъ, какой ты неосторожный!—вскричала тетерька, наблюдавшая за токующимъ косачомъ.

Желтоватая, пестрая, не такъ красиво одѣтая, какъ

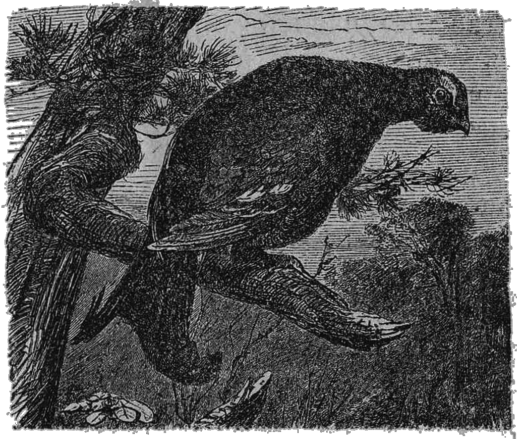
самецъ, она смирно сидѣла близъ него подъ кустомъ. Она съ боязнью смотрѣла на пѣвца, ворочая головку и подозрительно озираясь.

— Отчего ты тревожишься? — спросилъ ее прилѣтѣвшій на сосѣдную кочку бекасъ, уставшій совершать свои воздушныя игры.

— О, ты не можешь представить себѣ, какъ безпечны и лѣнны мужья!—жаловалась тетерька.—Они такъ увлекаются своими пѣснями на току, что положительно теряютъ голову. Ничего не видятъ и не слышать. Не даромъ люди ихъ прозвали „глухими тетеревами“. Вотъ онъ, видите, закрылъ глаза и бормо-

четь, какъ дуракъ, а въ то время можетъ подкрасться къ нему звѣрь, налетѣтъ хищная птица и, еще хуже, подойти человѣкъ съ ружьемъ. Косачи вѣдь не раздѣляютъ съ нами труда по выводу и воспитанію дѣтей. Имъ до того нѣтъ никакого дѣла. Вся забота о потомствѣ лежитъ на насъ, матеряхъ. Труды наши большіе. Когда я снесу десятка полтора яицъ на землѣ въ укромномъ уголкѣ лѣса, я сажусь на нихъ и слѣзая съ гнѣзда только для того, чтобы напиться и перехватить корма. О, мы сидимъ крѣпко! При опасности мы не бѣжимъ отъ гнѣзда, такъ что люди могутъ насъ задавить и даже взять руками. Мы жертвуемъ своей жизнью для спасенія дѣтей. Мы въ вѣчномъ страхѣ, при полной беззащитности. Когда мы сидимъ на гнѣздѣ, насъ легко могутъ поймать волкъ, лиса и другіе хищные звѣри. Жестокіе люди иногда обираютъ у насъ яйца. Даже мелкіе звѣрьки разоряютъ наши гнѣзда, выпиваютъ яйца и сѣдаютъ только что вылупившихся птенцовъ. А съ дѣтьми какая возня! Надо ихъ водить, показывать кормъ, прятать подъ себя въ холодъ и дождь, отводить отъ нихъ врага, обращая его вниманіе на себя, отдавая свою жизнь за жизнь дѣтей. Послѣ выхода птенцовъ изъ яицъ у

меня брюшко дѣлается голымъ, иногда съ кровавыми пузырями отъ усерднаго сидѣнья. Исхудаю я до нельзя. Сама, бывало, едва жива отъ голода, а если найду кормъ, сейчасъ же сзываю дѣтей и уступаю его имъ. Впрочемъ, мои дѣтишки и сами очень ловки. Они быстро оперяются и, еще крошками, хорошо порхаютъ и ловятъ насѣкомыхъ, отыскиваютъ червей, зерна травъ и ягоды. Когда я почую врага, то даю имъ знать особымъ крикомъ, и они моментально разлетаются и затаиваются въ травѣ или на вѣтвяхъ деревьевъ. Лежатъ они, плотно прижавшись къ землѣ или сучку, какъ мертвые, такъ что ихъ найти очень трудно. Черезъ нѣкоторое время, когда опасность минуетъ, они начинаютъ пищать и сходятся на пискъ другъ съ другомъ. Потомъ мы всѣ вмѣстѣ уходимъ въ другое болѣе безопасное мѣсто. Но трудно намъ укрыться отъ охотника. У него собака, безъ помощи зрѣнія, однимъ только чутьемъ, находитъ насъ, подводитъ къ намъ хозяина, выпугиваетъ насъ на воздухъ и даетъ возможность застрѣлить. У меня одинъ разъ перебили весь мой выводокъ, который я съ такимъ трудомъ воспитала, всѣхъ моихъ одиннадцать птенцовъ. Въ другой разъ я была свидѣтельницей, какъ убили мою товарку, при чемъ дѣтей ея не нашли. Но что же вышло? Маленькіе птенцы - сироты, а ихъ было четырнадцать штукъ, всѣ умерли, оставленные безъ помощи матери, отъ холода и голода. Кучу ихъ трупишковъ я нашла подъ елкой. Бѣдныя малютки!.. Да, тяжело намъ жить и воспитывать дѣтей при такихъ условіяхъ. Вѣчная и чительная боязнь, вѣчный страхъ за свою жизнь или жизнь дѣтей... Вырастетъ уцѣлѣвшій выводокъ, начинаетъ летать на кормушки. Охотники ста-

вять незамѣтные шалаши на перелетахъ и выставляютъ на видныхъ мѣстахъ чучела, которыя мы довѣрчиво принимаемъ за товарищей и платимся за это довѣріе своей жизнью. Придетъ зима, намететъ вѣтеръ сугробы снѣга, и мы въ этихъ сугробахъ въ жестокой морозъ дѣлаемъ ямки и укрываемся въ нихъ ночью. Люди и тутъ не оставляютъ насъ въ покоѣ. Они находятъ эти ямки и бьютъ насъ изъ нихъ. Намъ некуда дѣваться отъ враговъ... Мы — осѣдлыя птицы и живемъ постоянно въ однихъ и тѣхъ же родныхъ мѣстахъ и лѣтомъ и зимой. Вотъ тебѣ хорошо: ты улетаешь далеко - далеко, въ теплые края, гдѣ, говорятъ, такая привольная жизнь.

— Что жъ изъ того, что я улетаю?—говорилъ бекасъ, задумчиво опустивъ книзу свой длинный, тонкій носъ, которымъ онъ такъ ловко достаетъ изъ грязи насѣкомыхъ и червей. — Да, я улетаю. Но вѣдь и тамъ, куда я улечу, тоже есть и хищныя животныя и люди-охотники. И тамъ намъ приходится быть постоянно насторожѣ. А путешествіе! Ты думаешь, легко пролетѣть тысячу верстъ взадъ и впередъ? Развѣ мало опасностей встрѣчается во время такого длиннаго перелета! Нѣтъ, я не полетѣлъ бы никуда, если бы могъ, какъ ты, перенести холодъ и находить кормъ, когда земля покрояется снѣгомъ. Моя родина тоже здѣсь, вотъ въ этомъ болотѣ. Я тутъ родился и не могу не вернуться сюда, куда бы ни залетѣлъ въ поискахъ тепла и корма. Мнѣ эти моховыя кочки сѣверной ржавой низины дороже во сто разъ роскошныхъ береговъ южныхъ незамерзающихъ рѣкъ и морей. Я люблю свою бѣдную родину, она мнѣ пріятнѣе красотъ горячаго юга. Мнѣ здѣсь вольнѣе дышится, здѣсь я чувствую

себя веселѣе и здоровѣе. Тутъ вотъ недалеко мое гнѣздо, гдѣ моя милая подружка положила свои первыя яички. Мы будемъ съ ней высиживать ихъ и затѣмъ воспитывать дѣтокъ. А когда подуетъ холодный осенній вѣтеръ и страна эта начнетъ готовиться къ зимнему сну, мы всѣ соберемся въ дружную стаю и полетимъ далеко-далеко отъ васъ. И тамъ, въ чужой, далекой странѣ, будемъ ждать съ нетерпѣніемъ времени, когда опять вернемся на нашу дорогую родину. Ты думаешь, намъ всѣмъ придется улетѣть? О, нѣтъ! Какъ только наши выводки сдѣлаются взрослыми, сейчасъ же появятся на болотѣ охотники съ собаками и начнутъ насъ стрѣлять... И вотъ только тѣ, кто спасется отъ этихъ страшныхъ людскихъ ружей, полетятъ въ теплые края. Но и вернутся не всѣ, кому удастся улетѣть... Впрочемъ, зачѣмъ предаваться печальнымъ мыслямъ!.. Все живущее умираетъ... Будемъ же пользоваться этими минутами жизни, которыя даетъ намъ прекрасная весна и вольная жизнь!..

Бекасъ поднялъ кверху головку, черныя глазки его сверкнули беззаботной удалью. Онъ поднялся на воздухъ и заигралъ въ голубомъ пространствѣ, откуда снова стали доноситься дрожащіе звуки: „беее! беее!“

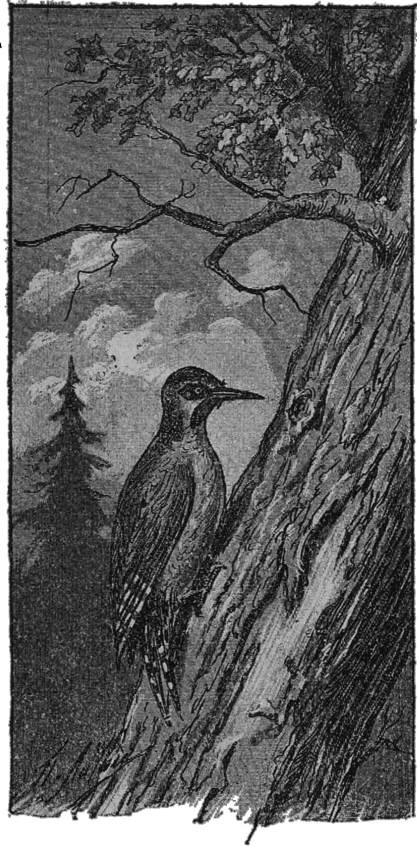
На сосѣднемъ высохшемъ деревѣ послышалось: „тукъ - тукъ!“ Тетерька встрепелась и сейчасъ же успокоилась, разглядѣвъ, что это стучитъ пестрый красноголовый дятель.

— Ты меня напугалъ!—сказала она ему.

— Трусиха!—презрительно посмотрѣлъ на нее дятель.—Вотъ я не боюсь даже людей.

— Зачѣмъ же ихъ бояться, если они тебя не трогаютъ?

— Не только не трогают, — горделиво говорилъ дятель, — но они даже преслѣдуютъ тѣхъ, кто трогаетъ меня. Я вѣдь поѣдаю вредныхъ насѣкомыхъ, личинки которыхъ губятъ древесныя растенія. Безъ меня этихъ насѣкомыхъ такъ бы много расплодилось, что они истребили бы цѣлые лѣса. Только добывать ихъ трудно. Стучишь-стучишь иной разъ, а никого не выгонишь изъ — подъ коры или щелей ствола. Зато и носъ у меня замѣчательный! Знаешь, я могу любой сучокъ превратить въ щепки, могу продолбить любую кору, любую древесину... Мы еще питаемся сѣменами хвойныхъ деревьевъ. Конечно, ты, съ твоимъ слабымъ клювомъ, не достанешь ни одного орѣшка. У насъ же шелушеніе шишекъ дѣлается очень ловко. Ты говоришь: не удержать въ лапкахъ? Но вѣдь мы устраиваемъ особые станки для этого — защемы или тиски. Выбравъ невысокое дерево, какую-

нибудь сосенку, мы въ паухѣ между стволомъ и сучкомъ выдалбливаемъ углубленіе, чтобы въ него можно было вставить нижній конецъ шишки. Укрѣпивъ тутъ шишку, мы отбиваемъ носомъ съ нея чешуйки и достаемъ изъ-подъ нихъ сѣмена. Люди называютъ такія приспособленія „дятловой кузницей“... Ты спросишь, — зачѣмъ невысокое деревцо? Да потому, что, въ случаѣ паденія шишки на землю, не слетать за нею далеко. А шишки выпадаютъ часто. Такъ что съ высокаго дерева намъ бы надоѣло за ними опускаться внизъ. Подъ такой кузницей ты всегда увидишь много набросанныхъ чешуекъ съ хвойныхъ шишекъ и подумаешь, что тутъ пировала бѣлка. О, эти проклятыя бѣлки! онѣ никогда не пощадятъ наши гнѣзда, съѣдятъ наши яйца и маленькихъ птенчиковъ, несмотря, что на видъ такіе невинные звѣрьки. Я не говорю уже о настоящихъ хищникахъ — о куницахъ, соболяхъ и др. Этимъ не попадайся и взрослые птицы. Такъ что и безъ человѣка у насъ враговъ достаточно... А мое гнѣздо! Развѣ его можно сравнить съ твоимъ, открытымъ, беззащитнымъ на землѣ? Въ моемъ дуплѣ и сухо, и тепло, и никакой вѣтеръ или дождь туда не проникнуть. Да и хищнику забраться въ него не очень-то легко. Твои птенцы, какъ выйдутъ изъ яйца, такъ сейчасъ же сами собираютъ кормъ — только приведи на мѣсто, покажи. А мои долго не оперяются, долго сидятъ безпомощными въ гнѣздѣ, и приходится имъ носить насѣкомыхъ и вкладывать въ разинутые рты. Измучаемся мы, родители, ужасно. И самимъ-то надо подкрѣпляться, и дѣтямъ успѣть натаскать корму. Обжоры они ужасные — не успѣваешь носить имъ кормъ. Уже большими сдѣлаются, а все сидятъ въ гнѣздѣ.

Ну, ужъ тутъ приходится ихъ насильно выгонять изъ душла и приучать къ работѣ. И бьемъ ихъ, и выманиваемъ хитростью. Когда и вылетятъ, все-таки, сидятъ, плуты, на сосѣднихъ сучьяхъ и пищать, прося корму. Заставляемъ поголодать и показываемъ, гдѣ и какъ искать насѣкомыхъ и ихъ личинокъ. Возни тоже много и съ нашимъ молодымъ поколѣніемъ. Ничего не подѣлаешь...

Подлетѣвшая къ дятлу синица-ремезъ прислушивалась къ его разсказу.

— Нашелъ, чѣмъ хвастать: своимъ гнѣздомъ!— презрительно замѣтила она.— Въ глухомъ лѣсу, въ темномъ дуплѣ стараго дерева, среди гнилушекъ, по сосѣдству съ летучими мышами, словно въ тюрьмѣ. Фи! какое удовольствіе имѣть такое жилище! Ни простора, ни свѣта... Вотъ мое гнѣздо—такъ гнѣздо! Рѣдкая птица можетъ похвалиться такимъ чуднымъ гнѣздомъ, какое строю я. Въ рѣчной заводи, заросшей тростникомъ, ягодными кустами, различными любящими влагу деревьями, красивыя узорчатыя формы которыхъ отражаются въ гладкомъ зеркалѣ воды, гдѣ плещутся рыбки, гдѣ порхаютъ красивыя стрекозы, гдѣ воздухъ наполненъ ароматомъ цвѣтущихъ растений и трелями соловьевъ—тамъ я строю свое великолѣпное воздушное жилище. Я выбираю тонкую вѣтвь, склонившуюся надъ водой, и на концѣ такой вѣтки, между двумя расходящимися сучками, основываю свое гнѣздо, имѣющее видъ шара или мѣшка съ особымъ трубчатымъ входомъ. Матеріаломъ для постройки мнѣ служатъ волосы животныхъ, волокна луба и сѣменной пухъ ивовыхъ и полевыхъ растений. Прежде всего я ссучиваю волосы и лубяныя волокна и обматываю ихъ

